

Там, где наша неспетая весна

Елена Никифорова

Елена Никифорова

Там, где наша неспетая весна

«Автор»

2024

Никифорова Е.

Там, где наша неспетая весна / Е. Никифорова — «Автор», 2024

Несостоявшийся роман двух влюбленных, их неожиданная встреча спустя полвека и откровенные признания.

© Никифорова Е., 2024

© Автор, 2024

Елена Никифорова

Там, где наша неспетая весна

Лирическая повесть

Посвящается Б.П. и светлой памяти В.Н.

Только там, где все деревья в нежном цвету,
Где целует небо тихо, робко зарю,
Там бушует наша первая весна,
Там живет еще надеждою мечта.
Только там светла моя любовь-беспечаль,
На губах моих застыла губ твоих печать.
Только там я слышу голос тихий твой,
Только там я каждый час свой,
Каждый миг живу тобой.

Душа была в смятении. Не покидало ощущение пустоты от внезапно упорхнувшего счастья, словно ей достали и подарили журавля с неба, а она даже полюбоваться им не успела, так неосторожно, нечаянно выпустила из рук. И осталась ни с чем, ни синицы, ни журавля... Только память о нем, недосказанность да укоризненная совесть.

А ведь все могло быть иначе, и «счастье было так возможно, так близко...». Значит, не судьба. А что такое судьба? Счастливая или несчастливая случайность людских встреч? Разве это не Божий промысел, его суд над нами (от этого корня слово «судьба» – судьбога), когда Он принимает решение, соединяя людей, дарить или не дарить человеку встречу, которая может перевернуть всю жизнь?

Вот уже третьи сутки Лена Никитина жила в каком-то «трансе», переходящем то в легкую эйфорию, то в минуты отчаяния от нахлынувшего сожаления. Такого волнения она давно не испытывала, пожалуй, с самой юности. А тут ей уже семьдесят один год, и вдруг на тебе, как в пору влюбленности, ожидание нечаянного счастья... И когда оно само к ней пришло и улыбнулось, она просто растерялась, создав невидимую преграду для их сближения. И он, такой желанный и близкий по духу, внезапно уехал и теперь уже навсегда. Но как забыть того, кто в юности оставил яркие впечатления и взволновал сердце, кто был ее мечтой? А у мечты, как известно, нет срока давности.

Он – это Боря Порывай, друг и однокашник ее мужа Владимира Никитина, ушедшего из жизни шесть лет тому назад из-за инфаркта и сахарного диабета. Они познакомились в далеком 73-м году на танцах, в ее родном селе Благодатном, куда на учебный аэродром прибыли курсанты из ставропольского военного училища. Лена (тогда еще Куликова), светло-русая и стройненькая, только вернулась на летние каникулы из пионерлагеря в Железноводске, где проходила педпрактику. Всем троим исполнилось по двадцать лет. Весенний возраст человеческой жизни! Они были веселы, задорны и полны радужных надежд и высоких помыслов. Еще бы не высоких – выше некуда! – парни летчики-истребители, правда, только учились летать, но тяга к небу уже была непреодолимой. Она студентка-«филологиня» ставропольского пединститута, натура романтическая, витающая в облаках.

Наверное, Богу было суждено подарить им встречу именно здесь. Кто назвал их село Благодатным, не ошибся. Действительно, благословенный край в окружении золотых колосющихся полей, с лесополосами в «белых носочках». Как живописно раскинулся он вдоль речушки Берестовки и выше, в обе стороны! Отовсюду виднеется красавица голубая церковь с белока-

менной оградой, все дворы домов и хат укрыты виноградными шатрами. Весной село превращается просто в райские кущи, в благоуханный сплошной сад с колдовским запахом спелой акации и буйством сирени, цветущих вишен и яблонь. Сады вышли на улицы, и летом тротуары-дорожки сплошь усыпаны алычой, вишней, тутовником, шапталой... А какое там небо, когда тихими июльскими ночами оно роскошно оденется в алмазное звездное платье! Нигде она такого больше не видела, только там, «где со сверчками все звезды лучистые полуночный ведут разговор».

И в субботний звездный вечер, когда вдруг вырвалась из клуба и полетела над селом волнующая «Червона рута», а высокие акации разбросали свои кружевные тени на освещенный луной и фонарями проспект в центре села, поспешила к одноклассникам на танцплощадку. Здесь, еще в мае, Лена танцевала с курсантом Сашей Мешавкиным. Он не отходил ни на шаг, всякий раз приглашал ее на танец, легко и бережно кружил в вальсе. Вполне симпатичный, улыбчивый, но ей всегда нравились очень высокие парни.

Если бы она знала, что за ней будет наблюдать именно такой – рослый и красивый курсант по имени Борис, она, возможно, пригласила бы его на «белый танец», чего никогда не делала из-за своей природной стеснительности. Красавицей себя не считала, но в зеркале себе нравилась, когда примеряла, подгоняя по талии, шитые платья. Знала, что нравится и мужчинам, чувствовала на себе их заинтересованные и оценивающие взгляды, но сама робела поднять на них глаза. Танцевать и петь Лена любила с детства, еще школьницей бегала в сельский клуб на репетиции, выступала в ансамблях на сцене. По совпадению ей тогда очень нравилось имя Борис – в нем столько достоинства и мужества, что будущего сына в своих мечтах она назвала бы именно так.

Потом Мешавкин куда-то исчез, и когда вновь предстал перед ней, приглашая танцевать, было уже поздно. Сердце ее уже покорили другие курсанты, «герои ее романа» – Борис и Владимир. Они ходили к ней на свидания вдвоем, провожали после танцев домой.

Лена жила в тихом, скромном домике, в пяти шагах от центра, школы и церкви, поэтому ребятам далеко не надо было ее провожать. Они успевали побродить перед клубом, по бульвару, пройти мимо стадиона вверх и о многом поговорить.

Когда началась учеба в институте, они так же вдвоем провожали ее до студенческого общежития. И когда она поняла, что Борис занимает все ее мысли, однажды пришел к ней только один – ее будущий муж, Володя.

Борис заранее позвонил ей, что приедет поездом из Петербурга на 50-летний юбилей выпуска военных летчиков, посетит ее и могилу Вовы, и, возможно, остановится у нее в доме на пару-тройку дней. Поездка была тяжелой, с пересадкой в Москве ночью – с вокзала на вокзал, и потому для отдыха он планировал побыть здесь дней пять.

Лена, хоть и была уже пенсионеркой со стажем, но, как в юные годы перед свиданием, встретила это неожиданное известие взбудораженно. Достала из шкафа небесной голубизны шифон в белую полосочку (когда-то привезла ей старшая дочь из Таиланда), примерила с тонким кружевным воротником, – очень мило. Шитье ее всегда успокаивало, а новое платье – вечный стимул жизни у женщин. (Она это знала с юных лет, вкус к красивой одежде привила ей бабушка по отцовской линии, лучшая модистка в Минводах. Она присылала изысканные платья и блузки, а Лена подгоняла их по своей фигуре). Раскроила, сметала, но дострочить чудное платье с чехлом так и не успела. Помешали поездка в город по делам, работа по дому, в саду поливы да заготовки на зиму. Хозяйство у нее небольшое, но заботы ждет постоянно: семь курочек-несушек с певучим красавцем петухом, «стерильная» кошка (дети из города привезли), и еще два пса (отец с сыном) – те еще домочадцы, пройти по двору не дадут спокойно: путаются в ногах и бросаются на грудь, чтоб погладила каждого.

Бориса встретил на ставропольском вокзале однокашник Сергей Яковлев, и в тот же день они приехали к ней в пригородное село Московское, в дом с мансардой, который пять лет подряд реконструировал Володя. Они осмотрели оба этажа, где все напоминало о хозяине, где каждая плитка и ступени лестницы сделаны были им саморучно. «Говорили нам, что после 60 лет лучше не строиться, но Вова не слушал, он так мечтал о частном доме, вложил в него все силы, да и саму жизнь тут оставил. Второй этаж отделывали уже без него, – с горечью вспоминала Лена. – Я не хочу менять дом на городскую квартиру, он как память о нем, здесь живут светлые воспоминания и его энергетика. Я порой ее ощущаю, будто он рядом и помогает мне. А город близко, можно за полчаса добраться». «Да, тут хорошо, – подтвердил Сергей, – тебе не надо отсюда уезжать».

За столом они первым делом помянули Вову, отметили его широту души, отзывчивый, добрый характер, поговорили о семейных делах, о детях, внуках, вспомнили курсантские годы, затем прогулялись по саду-огороду, полюбовались раскинувшимся перед лесом простором и необычайным закатом. Такого неба еще никто из них не видел: оно было четко разделено пополам. Одна половина чистая, бездонная, прозрачно-голубая, другая – в перистых облаках, тихо уплывающих ровными, стройными рядами от закатного огненного шара. Солнце торжественно, величественно и царственно опускалось на свой трон за горизонтом, озаряя весь запад сначала желтым, потом оранжевым, красным и, наконец, малиновым светом. Лена только восторгалась от удивления, Борис снимал на телефон, а Сергей предположил: «Не иначе, предзнаменование какое-то». «Может быть! – подумалось ей. – Действительно, символичное небо. В небесах та же жизнь и борьба, и светлых сил, как и на земле, больше. Они будто празднуют что-то. Недавно был парад звезд, теперь вот парад облаков». Приподнятое настроение от увиденной красоты неба еще долго не покидало их.

Весь оставшийся вечер они рассматривали с экрана компьютера курсантские фотографии и фото ежегодных встреч однокашников у самолета училища и на аэродроме ДОСААФ, вспоминали друзей.

Ночевали мужчины на втором этаже, Лена постелила им широкую двухспальную кровать. Здесь больше воздуха, весь этаж похож на просторную студию, где с открытого балкона, увитого виноградом, виднелась зеленая роскошь сада, раскинутая до самой опушки леса. Он уходил в гору и закрывал горизонт стеной: только небо и бушующее зеленое море перед глазами. Кислорода столько, хоть ковшом черпай и ешь! Поэтому не удивительно, что им приятен был сон. «Как хорошо здесь, будто в сказку попал, и наконец-то выспался», – признался ей утром Борис.

Оставался один день до встречи с однокашниками. За завтраком решили взять такси и втроем съездить на кладбище. Там купили цветы и посетили могилы ее Вовы и похороненного почти рядом однокашника Сергея Смирнова. Эти 65-летние друзья, один в феврале, другой в мае 2018 года, были в числе первых новоселов дальнего нового погоста. Теперь ему конца и края нет, до самого аэропорта тянутся кресты да российские флаги: ковид и СВО выдали здесь тысячам людей последнюю прописку. Хотя всё здесь еще казалось пустынным: не успели подняться у могил деревья, туи и кипарисовики. Над печальной землей лишь плывут облака в безбрежном океане неба да изредка пропоют реквием взлетающие авиалайнеры. Последний приют себе наши мужчины точно предугадали. Это их стихия – в вечном небесном покое, в вечном полете... Да не обделит их там Всевышний своей любовью и царствием небесным!

На том же такси Борис и Лена вернулись домой уже без Сергея (того подвезли к Ставрополю по его же просьбе). Наутро Борис должен был поехать на праздничную встречу однокашников перед училищем (ныне там президентский кадетский корпус), планировал побывать на банкете в ресторане вечером и еще следующие полдня с друзьями и вернуться к ней на пару дней, чтобы отдохнуть на природе перед поездкой. Когда схлынула жара, Лена предложила пойти к подруге – птичнице Людмиле Набоковой за перепелками к ужину.

Они шли по дороге, которая помнила стук лошадиных копыт и дребезжание экипажей проезжающих на Кавказские воды столичных аристократов, поэтов Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, многих ссыльных декабристов, едущих после Сибири на войну, чтобы получить вольную... Параллельно рядом с ней выстроена новая широкая трасса на Ростов и Москву, а улица эта так и осталась с названием в честь Пушкина, он дважды проезжал и ходил по ней. Здесь в старину был почтовый тракт, стояла каменная полосатая стела с надписью «Санкт-Петербург—Тифлисъ», а за мостом луг и почтовая станция с конюшнями, баней и источником питьевой воды. Это место до сих пор зовут Почтаркой, где всем проезжающим меняли лошадей перед подъемом в гору, и станционный смотритель с супругой, провожая в неизвестность служивых путников, осеняли их вослед крестным знаменем.

Лена успела по дороге рассказать о том, что в Московском прошла их с Володей регистрация брака. Он срочно приехал жениться перед ее выпуском и своим назначением на новое место службы, в Кюрдамир. А так как раньше они не могли подать заявление (он служил далеко, она еще училась на последнем курсе), то в городском ЗАГСе их не расписали бы из-за очередей. Но у его сослуживца, Вани Алымова, была подруга Людочка-парикмахерша родом из села Московского. Она договорилась с администрацией, и жених с невестой и друзьями-подружками на двух «Волгах» примчались в сельский ЗАГС. Там, за коробку конфет, несколько бутылок коньяка и шампанского, они «скрепили брак своими подписями», – как выразилась регистраторша, что заставило Лену покраснеть и едва не провалиться сквозь пол. Ведь она слышала здесь полгода назад это слово, когда всей группой выдавали замуж однокурсницу Таю Гнедаш за «московского» парня, но тогда постеснялась подойти к женщине и поправить ей ударение. Теперь вот оно прилетело бумерангом ей за нерешительность. Лена не могла вспомнить, подсказала она женщине правильное ударение или нет на этот раз, они торопились в город (в ресторане «Нива» ждала их свадьба, там уже накрывали столы на пятьдесят персон и собирались гости, все девчонки из ее группы). Молодожены возложили цветы к памятнику Ленина, стоящему на фоне великолепного белокаменного храма, буквально в шагах от него. «Можно и обвенчаться заодно, – пошутил дружок жениха Коля Колпаков, – но мы ж комсомольцы!».

Обратно ехали по пыльной дороге и по сумасшедшей жаре. А в салоне было еще жарче от поцелуев. Таксист, поглядывавший на них в зеркало, сказал всем при выходе из машины:

– Никогда еще таких женихов и невест не возил, всю дорогу целовались, будто год не виделись.

А они и в самом деле почти год не виделись, роман их длился в письмах да телефонных переговорах. Когда они уже спустя много лет приехали сюда строить дачу, Лена попыталась отыскать и поблагодарить ту Людочку-парикмахершу, что помогла им с регистрацией и со свадьбой. Но фамилию ее она не помнила, и та, видимо, жила в городе (а Ваня Алымов женился на другой и куда-то давно исчез).

Зато познакомилась с другой Людой на ее поэтической встрече в школе и написала о ней заметку в районную газету. Оптимистка, труженица, улыбчивая и веселая, она одна, без мужа, управлялась с птичьим подворьем (гуси, утка, куры, перепела), лихо водила автомобиль, торговала на рынке. Про таких говорят, «коня на скаку остановит...». А еще Людмила писала простые и жизнерадостные стихи, где раскрывались ее широкая натура и любящая природу щедрая душа.

Она радушно встретила их с Борисом, показала свои инкубаторы, сушилki-морозилки, «рабочий кабинет» по разделке птицы. Бориса это очень впечатлило, и он постоянно шутил, называя ее хозяйство плодово-фруктово-птицеводческим комбинатом. Люда угостила их грушами из своего сада, нарезала огромный букет оранжевых ромашек, сфоткала с ним Лену, приглашала съездить на источники и в родной сердцу хутор «неописуемой красоты».

Обратно шли по той же пушкинской дороге, она с цветами, он с сумками груш, и говорили о Люде. «Да, на таких женщинах, как Люда, село держится, – подтвердила Лена, – а одна улыбка чего стоит! Просто солнечный человек!» На них с любопытством и каким-то восторгом смотрели, остановившись на дороге, как вкопанные, местные девчушки-цыганочки, природным чутьем разгадывая пожилую пару. Наверное, тогда их цыганчата и сглазили!

Они спали на разных этажах (это она указала ему на ту же постель, когда он спросил, где ему ложиться). Чего-то испугалась, будто ей 17 лет. Но потом успокоилась. Борис очень тактичный, скромный, интеллигентен во всем. Женат второй раз, супруга моложе его лет на пять (он показывал ее фото на телефоне – милая, приятная женщина). А первый брак почему-то распался, где-то в Дубае его единственная дочь, с которой связь потеряна.

Утром рано встали (ей на рынок, ему на маршрутку), и опять та же дорога в полтора километра. Шли, говорили о чем-то. Он признался, что почти не спал всю ночь из-за событий и впечатлений за день. А ведь ему предстоял очень волнительный день: встречи, экскурсия по городу, кладбищам и вечер в ресторане. И она забеспокоилась о его здоровье, заметив еще раньше на левой руке браслет с измерителями давления, температуры и т.п. Теперь горько сожалела, что в спешке не предложила и не настояла взять с собой воду и сумку с фруктами.

И он не вернулся. Однокашник Андрей Шаронов, приехавший на встречу на своем авто из Сочи, уговорил его после ресторана, на другой день, поехать с ним обратно, а там Борис доберется сам симферопольским автобусом до Керчи, где отдыхала его жена Наташа.

Боря позвонил Лене уже на въезде в Краснодарский край, извинился, что вышла такая оказия, и поблагодарил ее за гостеприимство.

И крылья за спиной, пока она летала в ожидании его, готовясь к новой встрече, тихо опустились...

Она села и задумалась. Все, «поезд ушел, и рельсы разобрали», – как повторялась в своих рассказах Виктория Токарева. А тут еще и станцию закрыли... Хорошо это или плохо, что так ничего между ними не случилось и теперь уже не случится: ни прогулок под луной, ни долгих душевных бесед, ни запоздалых поцелуев... Было только короткое объятие при встрече, откровенный разговор за столом да неожиданные поздние признания.

И многое осталось недосказанным и у него, и у нее. Она корила себя в том, что от избытка чувств бесцеремонно перебивала его, дополняя беседу своими подробностями, лишними, а порой интимными, которые носила в себе. А лучше бы слушала и слушала его монологи...

Но главное выяснилось то, что в пору их знакомства, в начале семидесятых, они понравились друг другу с первого взгляда, но Борис после нескольких свиданий и провожаний втроем вынужден был по жребию уступить своему товарищу, ее Володе, с которым Лена прожила почти сорок четыре года в браке и вполне счастливо. То есть ощущала себя счастливой женщиной рядом с заботливым мужем, родила ему трех дочек и имела не только пятерых внуков, а даже двухмесячную правнучку.

Но где-то там, в цветущей и невозвратной юности, всегда существовал он, ее идеал, похожий на любимого киногероя из фильма «Баллада о солдате» Алешу Скворцова. Тот же тип, то же обаяние и благородство во всем облике, удлинённый овал лица, чувственные, слегка припухшие губы, да еще с синью глаза... Ах, Боря, Боря! Именно его Лена, нафантазив, представляла героем своих песенных стихов: «Мы разминулись», «Мой невстреченный» и «Там, где весна»... Последнюю на диске с другими песнями она успела подарить ему лет десять назад, когда он приезжал на сороковую юбилей выпускников.

Эта третья, короткая, встреча с Борисом за все годы разлуки дала ей возможность заново переосмыслить свою жизнь, понять и осознать ценность того, что и кого подарила ей судьба, что надо лишь благодарить ее и держаться самой на высоте, жить взахлеб, успеть сделать как можно больше добра.

И пусть журавли остаются в небе, но они всегда подают клич, зовут к духовному подъему, к возвышенным мыслям, искренним чувствам, любви к людям и родной земле.

Она вспомнила, как вчера еще сидели с Борисом у нее в гостиной за столом, друг против друга. Когда заговорили о Вове, Боря взял из соседней комнаты с комода большой портрет друга и поставил рядом на столе.

Они снова были втроем. Володя, красивый и молодой, в офицерской парадной форме, смотрел на них, пожилых семидесятилетних, и слегка улыбался, довольный. А они пили красное вино, ели наскоро приготовленных жареных перепелов и говорили о нем.

– Ты знаешь, почему мы все называли Вову Лёней? Это с моей подачи. Я сначала звал его Леонардо, мы с ним выпускали стенгазеты, он оформлял, рисовал, а я писал тексты, сочинял стихи. Потом стал называть его кратко Лео, которое перешло в Лёню. Так все его стали звать Лёней...

– Мне он говорил, что и в честь Леонида Никифорова, который тогда разбился в самолете с инструктором.

– Да, это была большая потеря и потрясение для нас. Некоторые ребята бросили училище из-за этого.

– Мой папа работал в мастерской и делал погибшим летчикам цинковые гробы. Я только слышала об этом, а младшая сестра Надя, рассказывала, как ей жутко было видеть эти гробы у нас во дворе (очень срочную работу отцу привезли на дом доделывать, и он работал уже при свете фонаря). Я сейчас подумала, не судьба ли это, т.е. суд Бога, который услышал молитвы матерей погибших, и так отблагодарил отца в то лето, что послал ко двору двух летчиков – живых и красивых – для ухаживаний за дочками? Правда, Наде, сестре, шел шестнадцатый год, и она еще не бегала на танцы. И мне достались оба! – засмеялась Лена. – Иногда в простой случайности, которая может удивить и озадачить, мы ищем провидение свыше. По теории вероятности или относительности Эйнштейна такое вполне может быть...

Они вздохнули оба и вдруг разоткровенничались. Тихим голосом Борис произнес фразу, от которой в ее душе тихо-тихо нежными переливами взяла первые аккорды невидимая флейта:

– Я, когда впервые тебя увидел на танцплощадке в Благодатном, подумал: «Какая девушка, просто «тургеневская»! Вовки тогда на танцах не было, он остался дорисовывать газету. Когда вернулись в часть, рассказал ему, какие девочки есть на танцах и о тебе, и уже в следующий раз мы поехали с ним. Я первый увидел тебя, еще когда ты цокала каблучками по дорожке к клубу. Мы шли сзади, и я показал тебя Вове. Мы приглашали тебя по очереди на танец, но он оказался танцор поактивней меня.

– И даже Саша Мешалкина. Тот появился позже вас и сначала не мог понять, почему я стала отказывать ему в танце. Мне было очень неудобно перед ним, и я не знала, что ответить. Потом, уже лет пять спустя, судьба нас свела в Кюрдямире, куда он приехал с беременной женой Надей, своей землячкой из Челябинска, и маленьким сыном. Мы подружились семьями, помогали друг другу. Я общаюсь с Надей в «Одноклассниках», и у них тоже есть правнучка.

– Но провожали в тот вечер мы тебя вдвоем. И в следующий раз тоже, пока нас не отправили в Тихорецк.

– Знаешь, Боря, а ведь я тоже, как пушкинская Татьяна, когда впервые увидела тебя, то «в мыслях молвила: «Вот он!». Мой идеал, похожий на первую любовь с пятого класса – обаятельного мальчика Витю Бойко, с задорной улыбкой. Ты мне казался слишком красивым и умным, к тому же таким ироничным! Чувства юмора вам с Вовой было не занимать, помню, как всю дорогу вы наперебой смешили меня, а я вам пересказывала недавно прочитанную статью Белинского о платонической любви. Потом вы пропали из села, как и все курсанты, но я где-то в душе надеялась, что когда-нибудь встретимся.

– Да, учебная практика на светлоградском аэродроме закончилась. Когда мы снова были в училище, вечером в увольнение пошли искать тебя в общежитии на Морозова. Но тебя не было на месте, сказали, что ты в театре. Мы не дождались и оставили цветы для тебя подругам из твоей комнаты.

– Ах да! Я до сих пор помню этот огромный букет, – перебила его Лена, – восхитительные розы, пурпурные и бархатные, наверное, очень дорогие! Они веером были рассыпаны по всей моей кровати! Мне никто еще таких не дарил! Как я была рада!

– И мы пришли на другой день, сидели у тебя в комнате, потом втроем гуляли по городу. Ты была такая стеснительная, скромная...

Она вспомнила, как была смущена и польщена их вниманием, как потом прогуливались по проспекту Карла Маркса... Парни в военной форме, похожей на полевые мундиры русских офицеров царской армии, с портупеями («Как надену портупею, так тупею и тупею», – шутил Вова), купили ей на бульваре цветы, и она шла с ними посередине, счастливая, с букетом в руках, ловила восхищенные взгляды прохожих и думала: «Неужели так бывает, и это со мной!?». Они много шутили, рассказывали смешные случаи из своего студенчества. И это состояние легкости, ощущение молодости и бурной радости от встречи сближали их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.